

Угроза информационному суверенитету России в условиях доминирования иностраных цифровых платформ

Резюме. Статья исследует угрозы суверенитету Российской Федерации, которые связаны с недобросовестными практиками иностранных интернет-платформ (цифровых платформ). Анализируются подходы к противодействию таким практикам с учетом общественного мнения и оценки их общей эффективности, а также их влияние на протестный потенциал российского общества. В научный оборот вводятся данные о новом законодательстве США, подтверждающем существование политической цензуры, которую реализуют крупнейшие мировые интернет-платформы. Восполняются пробелы в оценке влияния иностранных интернет-платформ на информационный потенциал России, предлагаются новые инструменты по противодействию цензуре со стороны таких субъектов. Применение предлагаемых инструментов даст возможность снизить протестный потенциал и повысить доверие к государственной цифровой политике, сохранить конкурентный характер российского сегмента сети «Интернет». Предлагается повысить уровень и качество участия гражданского общества в выработке политики по повышению информационного потенциала с целью защиты суверенитета России в киберпространстве.

Ключевые слова: законодательство об обороте информации; информационный суверенитет; национальная безопасность; цензура; цифровые права; социальные сети; свобода слова

Для цитирования: Дискин Е. И. Угроза информационному суверенитету России в условиях доминирования иностранных цифровых платформ. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 9. С. 21–32. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.238.9.021-032

Благодарности. Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Threats to Russia's Information Sovereignty under the Conditions of the Dominance of Foreign Digital Platforms

Evgeniy I. Diskin

National Research University «Higher School of Economics»
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper examines threats to the sovereignty of the Russian Federation associated with allegedly unfair practices employed by foreign internet platforms (digital platforms). It analyses approaches to countering such practices, taking into account public opinion, assessments of their overall effectiveness, and their impact on the protest potential of Russian society. The paper introduces into academic discourse information on recent U.S. legislation presented as confirming the existence of political censorship implemented by the world's

largest internet platforms. The author addresses gaps in assessing the influence of foreign internet platforms on Russia's information capacity and proposes new instruments for countering censorship applied by such entities. The application of the proposed instruments may help reduce protest potential, increase trust in public digital policy, and preserve the competitive nature of the Russian segment of the Internet. The paper further proposes enhancing both the level and quality of civil society participation in defining policies aimed at strengthening information capacity in order to protect Russia's sovereignty in cyberspace.

Keywords: Information circulation legislation; information sovereignty; national security; censorship; digital rights; social media; freedom of expression

Cite as: Diskin E. Threats to Russia's Information Sovereignty under the Conditions of the Dominance of Foreign Digital Platforms. *Lex russica*. 2026;79(9):21-32. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.238.9.021-032

Acknowledgements. The paper was prepared as part of the Fundamental Research Program of the National Research University «Higher School of Economics» (HSE University).

Введение

Иностранные интернет-платформы противодействуют усилиям Российской Федерации по недопущению распространения противоправной информации в отечественном сегменте сети «Интернет» и одновременно ограничивают распространение информации российских СМИ и блогеров¹, создают многочисленные угрозы для правопорядка и национальной безопасности, нарушают законные права граждан и организаций.

Интернет-платформы создают поле контроля за сбором, получением и распространением информации, которое существует по своим сложным корпоративным правилам, рассматривая свою политику как форму проявления «свободы рыночного капитализма»². Таким образом, возникает конфликт, затрагивающий суверенитет Российской Федерации, т.к. право регулирования распространения информации

в цифровой среде может рассматриваться как один из содержательных элементов информационного суверенитета государства. Последний является юридическим свойством государства как особого субъекта информационно-правовых отношений, осуществляющего их правовое регулирование³.

Несмотря на значительное число работ, посвященных информационному суверенитету и его сущности, среди которых можно выделить публикации Э. Ю. Анциферовой, А. А. Ефремова, А. К. Жаровой, И. Ф. Кефели, М. М. Кучерявого, С. А. Мальмберга, А. В. Минбалева, Т. А. Поляковой, Л. В. Терентьевой, исследование поставленной проблемы нельзя назвать законченным. Изменение внешнеполитических условий показывает, что объем противоречий между стремлением государства защитить свой суверенитет, информационными потребностями общества и стремлением иностранных интернет-платформ сохранить кон-

¹ Данный факт неоднократно фиксировался профильными органами исполнительной власти. В 2020 г. Роскомнадзор потребовал от Facebook*, Google и Twitter прекратить цензуру в отношении российских СМИ (URL: <https://www.gazeta.ru/tech/2020/10/28/13336639/censorship.shtml> (дата обращения: 19.05.2025)); в 2022 г. Роскомнадзор заявил, что YouTube «стал инструментом в информационной войне» и отметил тот факт, что им были зафиксированы в общей сложности 54 факта применения YouTube ограничений в отношении российских каналов (URL: <https://rkn.gov.ru/press/news/news74204.htm> (дата обращения: 19.05.2025)).

* Facebook — продукт корпорации Meta. Решением Тверского районного суда города Москвы от 21.03.2022 компания «Мета Платформс, Инк.» (Meta Platforms, Inc.) признана экстремистской организацией и ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

² Cherry B. A. Escalating Instability of Network Neutrality Policy in the U.S. // *Applied Economics in the Digital Era* / ed. by J. Alleman, P. Rappoport, M. Hamoudia. Cham : Palgrave Macmillan, 2020. DOI: 10.1007/978-3-030-40601-1_13.

³ Ефремов А. А. Государственный суверенитет в информационном пространстве: проблемы правового обеспечения // Правовое обеспечение суверенитета России: проблемы и перспективы : сборник докладов XIII Московской юридической недели, Москва, 21–24 ноября 2023 г. : в 4 ч. М. : Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2024. С. 141.

троль над своей деятельностью играет одну из центральных ролей в динамике регулирования Интернета.

Гипотезой настоящего исследования является тезис о том, что баланс между проведением государственной информационной политики, потребностями общества в области доступа к информации и реализации информационных прав и интересами иностранных интернет-платформ является ключевым фактором обеспечения внешнего контура информационного суверенитета, т.е. связан со всем объемом информационных транзакций на национальном уровне в той их части, которая осуществляется с использованием иностранных платформ и сервисов, либо международных информационных транзакций, затрагивающих национальные информационные интересы России. Поиск такого баланса является ключевым в реализации национального информационного потенциала⁴.

В отечественной научной юридической литературе динамика данных правоотношений в контексте геополитических изменений в полной мере не исследована, не изучено отношение граждан к соответствующей правовой политике, не дана оценка деструктивной деятельности иностранных интернет-платформ по подрыву национального информационного потенциала. В полной мере не изучена связь указанных факторов как основание для формирования законодательной политики по обеспечению информационного суверенитета на его внешнем контуре и влияние на информационный потенциал государства.

Чтобы восполнить данный пробел, применен исторический и телеологический анализ права, системный, статистический и социологический метод, метод исследования социальных конфликтов.

Попытки законодательного определения условий для деятельности иностранных интернет-платформ в России в контексте обеспечения информационного суверенитета

Процесс «суверенизации Интернета», под которым следует понимать стремление государства установить правила, обязательные для всех субъектов, осуществляющих деятельность в российском сегменте Интернета, идет уже 15 лет. До принятия Федерального закона от 28.07.2012 № 139-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию” и отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁵ словосочетания «информация, распространение которой в Российской Федерации запрещено» в Федеральном законе от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»⁶ не было, как не было и указания на механизмы реализации таких запретов. Однако с принятием указанных поправок расширение перечня запрещенной информации приобрело значительный размах.

Возникла проблема обеспечения выполнения требований по ограничению доступа к определенной информации. Чтобы решить эту проблему, был разработан проект Федерального закона от 01.07.2021 № 236-ФЗ «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет” на территории Российской Федерации» (Закон о «приземлении»). В пояснительной записке к нему отмечено, что «в большинстве случаев требования российских государственных органов рассматриваются зарубежными компаниями и их представителями как выход за пределы юрисдикции Российской Федерации»⁷. Принятие закона должно было

⁴ Термин «информационный потенциал» впервые был использован в работе И. Ф. Кефели и С. А. Мальмберга как совокупный индикатор возможности государства осуществлять независимую информационную политику и во всей полноте регулировать правоотношения, связанные со сбором, получением и распространением информации. Информационный потенциал — выражение информационного суверенитета во всех аспектах его фактической реализации, т.е. оценка состояния правоприменительной деятельности и фактически складывающихся правоотношений в информационной сфере (Кефели И. Ф., Мальмберг С. А. Информационный потенциал государства как основа информационного суверенитета // Управленческое консультирование. 2019. № 1 (121). С. 30).

⁵ СЗ РФ. 2012. № 31. Ст. 4328.

⁶ СЗ РФ. 2006. № 31. Ст. 3448.

⁷ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет” на территории Российской Федерации» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1176731-7> (дата обращения: 19.05.2025).

не только подтвердить суверенитет России в сети «Интернет», но и создать эффективные механизмы понуждения интернет-платформ к выполнению требований российского законодательства. Однако параллельная разработка и принятие Федерального закона от 30.12.2020 № 482-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации”» стали признанием того факта, что иностранные интернет-платформы нарушают права российских граждан и организаций, действуя за пределами территориальной юрисдикции Российской Федерации. Примечательно, что основным способом принуждения иностранных интернет-платформ к выполнению законных требований были и остаются блокировки ресурсов с помощью ТСПУ (технических средств противодействия угрозам). Последующие события показали, что в условиях международного конфликта высокой интенсивности указанные меры не являются эффективными, а лишение иностранных корпораций доступа к российскому рынку на легальных основаниях не является для них критичным. К сожалению, должной оценки применения блокировок с точки зрения их влияния на информационный потенциал государства дано не было. Следует отметить, что их влияние в совокупной оценке различных факторов скорее отрицательное.

Деятельность иностранных интернет-платформ в России и их влияние на национальный информационный потенциал

Несмотря на большие усилия по продвижению российских социальных сетей и аудиовизуальных платформ на отечественном рынке, существует значимый объем данных, которые подтверждают сохранение влияния и охват российского медиапространства со стороны иностранных интернет-платформ.

Так, по данным компании Mediascope, крупнейшей интернет-платформой по охвату аудитории в июле 2024 г.⁸ оставался YouTube с 79 %⁹, он также лидировал по доле времени, которое проводят на площадке абсолютно все возрастные категории¹⁰. Второй и четвертой по популярности платформами являются Telegram и TikTok, а «ВКонтакте» — лишь третьей (для международного рынка используется наименование VK). После частичной блокировки доля YouTube падает, однако говорить о полной потере значимости данной платформы явно преждевременно¹¹. В частности, даже после применения больших ресурсов для замедления месячный охват аудитории YouTube составил 89,6 млн человек, лишь на 2,4 млн человек меньше, чем у главной российской социальной сети — «ВКонтакте»¹².

Иными словами, информационное пространство, к которому имеют доступ граждане России, в значительной мере не подчиняется национальному законодательству: не менее 50 % объема потребленного контента распространяли иностранные интернет-платформы. Отметим, что в случае с YouTube речь идет о платформе с большим уровнем вовлеченности и объеме времени, которое тратит пользователь на просмотр контента, что означает большой объем транслируемых смыслов и высокую

⁸ Именно в июле 2024 г. начали применяться меры частичной блокировки аудиовизуального сервиса YouTube.

⁹ Расчет аудитории интернет-ресурса ведется исходя из оценки общего количества пользователей Интернета в России, которая по оценкам компании Mediascope в I квартале 2024 г. составила 103 млн чел. Таким образом, в рассматриваемый период аудитория YouTube составляла 81,3 млн чел.

¹⁰ Аудитория социальных медиа // URL: https://mediascope.net/upload/iblock/438/37qf2vk4di1n4ncguevk3tufyzb11qfx/Аудитория_социальных_медиа_Mediascope.pdf (дата обращения: 19.05.2025).

¹¹ Эксперты заявили о сокращении трафика YouTube в России в два раза // URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/20/09/2024/66ed84909a7947ed33039906 (дата обращения: 19.05.2025).

¹² «ВКонтакте» впервые обошла YouTube по охвату среди россиян. Как соцсеть привлекает новых блогеров и пользователей // URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/15/01/2025/6786315b9a79476fac9a1bd6 (дата обращения: 19.05.2025).

нагрузку на когнитивную сферу человека¹³. Во многом это касается и Telegram, и ряда других платформ, например TikTok.

Существует точка зрения, согласно которой пример Китайской Народной Республики, где максимально ограничены все иностранные интернет-ресурсы, является образцом эффективного обеспечения информационной безопасности, а следовательно, и защиты национального суверенитета в киберпространстве¹⁴. Концептуально это упрощает вопрос о том, где начинается и заканчивается национальный суверенитет в киберпространстве. В случае восприятия такой концепции суверенитет, а точнее юрисдикция России, действительно ограничен территориальными пределами физического нахождения телекоммуникационного оборудования на ее территории¹⁵. В некотором смысле из посыла об ограничении суверенитета России в информационном пространстве пределами ее физической территории (на которой находится соответствующее оборудование) и доменной зоной исходили разработчики Закона о «приземлении». Тем не менее данный подход показал, что он недостаточно эффективен, особенно в условиях значительной геополитической напряженности, когда оказалось, что Россия и вопросы ее национальной безопасности, ее граждане, организации, должностные лица становятся предметом дискредитации и дезинформации, а против государства развернута беспрецедентная по своему накалу информационная война¹⁶.

Немаловажно и то, что ответные действия государства, чаще всего выражающиеся в ограничении доступа к иностранным интер-

нет-платформам, представляют собой ограничение конкуренции, что «неизбежно приводит к замедлению развития технологий, заставляя государство жить в дилемме: прогресс или безопасность»¹⁷.

Логика, в которой ограничение иностранных интернет-ресурсов является основным средством обеспечения информационного суверенитета, нередко связана с отождествлением информационного и технологического суверенитета. Поскольку в стратегических документах действительно ставится вопрос о «достижении самостоятельности», например в области использования инструментов искусственного интеллекта (ИИ), представляется необходимым оценить достоинства и недостатки такого подхода с точки зрения его влияния на информационный потенциал России¹⁸.

В случае развития ИИ речь идет о технологическом суверенитете¹⁹, а вопрос доступа к иностранным интернет-платформам лежит в первую очередь в плоскости вопроса о доступе к информации и ее распространении. В рамках настоящего исследования предлагается разграничить понятия информационного и технологического суверенитета, опираясь в том числе на социально-экономические факторы развития общественных отношений в области доступа к информации. Повышение информационного потенциала государства невозможно, если понятие информационного суверенитета остается размытым и нечетким, т.к. это подразумевает невозможность функционального выделения ответственных лиц и постановки корректных целей развития.

¹³ Mahmood-ul-Hassan S., Khan S. U., Sheikh A., Ayub T., Mustansar A., Tabassum M. F. Impact of YouTube Usage on Sleep Quality and Cognitive Function in Efl Learners // Journal of Positive School Psychology. 2022. Vol. 6. No. 11. P. 190.

¹⁴ Кожухова К. Е. Китайский цифровой суверенитет — изоляция или самосохранение? // Возможности и угрозы цифрового общества : материалы конференции, Ярославль, 18–19 апреля 2024 г. Ярославль : Ярославский гос. ун-т имени П.Г. Демидова, 2024. С. 158.

¹⁵ Терентьева Л. В. Принципы установления территориальной юрисдикции государства в киберпространстве // Lex russica (Русский закон). 2019. № 7 (152). С. 121.

¹⁶ Балдицын П. В. Информационная война против России в The New York Times в 2023 году: лингвистический анализ // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2023. № 8 (4). С. 34.

¹⁷ Безруков А. О., Мамонов М. В., Сучков М. А., Сушенцов А. А. Суверенитет и «цифра» // Россия в глобальной политике. 2021. Т. 19. № 2 (108). С. 113.

¹⁸ Пп. «г» п. 19 Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490 // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

¹⁹ Сервисы, использующие ИИ для решения практических задач в области поиска, работы с текстом, обработки информации и оказания иных подобных услуг, могут также играть большую роль в распространении информации, однако в настоящей работе этот вопрос не рассматривается по соображениям ограничения объема статьи.

Социальное измерение проблемы доступа к иностранным интернет-платформам в контексте концепции информационного суверенитета

Обеспечение соблюдения информационного законодательства со стороны всех субъектов информационных правоотношений является одной из ключевых задач в области государственного управления информационными процессами и обеспечения национальной безопасности. «Выпадение» крупнейших информационных ресурсов из правового поля и при этом сохранение их влияния на информационные процессы, негативное когнитивное воздействие на граждан России является недопустимым. Тем не менее необходимы различные подходы для изучения вопроса об ограничении доступа к крупнейшим интернет-платформам с точки зрения обеспечения информационного потенциала государства.

В динамике последних 10–15 лет ситуация с блокировками крупных иностранных интернет-платформ усложняется быстрее, чем ухудшается геополитическая ситуация в целом. Так, 6 лет назад развернулся крупный кризис вокруг блокировки Telegram в России, который был отмечен массовыми протестами, после чего доступ к мессенджеру был восстановлен²⁰. Несмотря на блокировки, вызвавшие затруднение доступа к целому ряду других ресурсов, в том числе и Telegram, рост числа пользователей мессенджера в России продолжился и в конечном счете их число удвоилось по сравнению с моментом начала его блокировки²¹. Этот пример показывает, что меры по обеспечению информационного суверенитета, выраженные в ограничении деятельности интернет-платформ, не подчиняющихся требованиям законодательства, далеко не всегда достигают своих целей. На конкурентном рынке, когда граждане стремятся получить наиболее удобный и эффектив-

ный для их задач продукт, вопрос обеспечения национальной безопасности в информационном пространстве становится целиком и полностью государственной задачей. При этом государство в силу конституционных положений обязано обеспечить баланс между гарантиями свободы слова и защиты признаваемых законом интересов граждан и организаций, а также предупреждение распространения экстремизма, деструктивного контента и других угроз национальной безопасности. Дискуссия о том, соблюден ли рассматриваемый баланс в законотворчестве и правоприменении, в целом характерна для отечественного научного и гражданского дискурса²².

Значимым фактором в оценке регулирования и правоприменения является изучение общественного мнения по поводу блокировок интернет-ресурсов. Обратимся к данным социологии о реакции населения на частичную блокировку YouTube. По результатам всероссийского опроса 1,6 тыс. человек, проведенного коммуникационным агентством Win2Win Communications с помощью сервиса «ЯндексВзгляд», 77 % опрошенных заявили, что отрицательно относятся к замедлению сервиса YouTube²³. Согласно данным всероссийского телефонного опроса, проведенного агентством Russian Field, 62 % россиян отнеслись бы негативно к полной блокировке YouTube, при этом лишь 17 % опрошенных поддержали бы такое решение²⁴. Результаты таких опросов дают множество вариантов интерпретации, за исключением позитивной оценки соответствующих решений. Тем не менее представляется возможным указать на высокую значимость доступа к интернет-платформе и недостаточную реакцию на выдвинутые представителями государства аргументы в пользу необходимости ограничений со стороны респондентов. Из этого следует закономерный вопрос о том, в какой степени должно учитываться мнение граждан о

²⁰ Подробнее см.: История блокировки Telegram в России // URL: <https://tass.ru/info/8761201> (дата обращения: 19.05.2025).

²¹ «Запрет не сработал»: Дуров подвел итоги блокировки Telegram в России // URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/milliardery/403413-zapret-ne-srabotal-durov-podvel-itogi-blokirovki-telegram-v-Rossii> (дата обращения: 19.05.2025).

²² Горлов Е. В., Шириня А. А. Основные правовые механизмы защиты конституционного права на свободу мысли и слова в современной России // Юридический вестник Самарского университета. 2022. Т. 8. № 4. С. 23.

²³ URL: <https://iom.anketolog.ru/2023/11/19/v-kakih-socsetyah-rossiyane-provodyat-bol-she-vremeni> (дата обращения: 19.05.2025).

²⁴ URL: https://t.me/russian_field_soc/1871 (дата обращения: 19.05.2025).

конкретных мерах по обеспечению информационного суверенитета? В законодательстве он пока не отражен, не отражена также роль гражданского общества в данном процессе.

Отметим, что существуют социологические данные о том, что мотивы мер по блокировке доступа к тем или иным платформам остаются непонятными большинству граждан. Данный вывод следует из результатов опроса «Левада-центра» (признан иностранным агентом) от мая 2022 г., когда были заблокированы платформы Facebook и Instagram после признания их владельца — корпорации Meta экстремистской организацией. В частности, 46 % респондентов не поддерживали блокировку, а среди тех, кто поддержал (32 %), лишь 19 % причиной назвали пропаганду / информационную войну против России²⁵. Следует также отметить, что в целом россияне скорее не готовы отказываться от удобных для них платформ: лишь 40 % респондентов ответили, что прекратили пользоваться запрещенными в России ресурсами, по данным опроса НПФ «Открытие», проведенного в апреле 2023 г.²⁶

Важным аспектом рассматриваемого вопроса является отношение к данным мерам молодых людей от 18 до 29 лет. Например, в этой возрастной группе к блокировке YouTube негативно относится 81 %²⁷. Сходная тенденция прослеживалась и в ситуации с блокировкой Telegram, когда доля молодых респондентов (18–24 года), называвших важным сохранение доступа к Telegram, вдвое превышала показатель в среднем по всем возрастным группам²⁸.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что проблема блокировки иностранных интернет-платформ сохраняет протестный потенциал

даже в условиях крупных геополитических вызовов, когда в целом доверие к власти растет²⁹. При этом нельзя сказать, что молодежь требует невозможного. Так, основными принципами Стратегии развития информационного общества в РФ на 2017–2030 годы³⁰ являются: обеспечение прав граждан на доступ к информации, а также обеспечение свободы выбора средств получения знаний при работе с информацией. То есть граждане ждут обеспечения на практике данных принципов. При этом следует согласиться с тезисом, высказанным в п. 17 Стратегии, что большинство государств вынуждены на ходу адаптировать государственное регулирование сферы информации. Однако правовая политика в этой области выражается в том, что основным инструментом является применение блокировок несмотря на негативную реакцию общества — во многом из-за отсутствия эффективных альтернатив. Недостатки этого подхода уже отмечались в отечественной литературе³¹.

Проблемные практики интернет-платформ как угроза информационному потенциалу государства

Изучив социальные факторы ограничения доступа к иностранным интернет-платформам, которые показывают скорее отрицательное отношение к действующей правовой политике, следует изучить обратную сторону вопроса, т.е. непосредственные предпосылки для ограничения доступа к интернет-платформам, вводимых государством.

Исследователи констатируют, что тенденция к усилению контроля над интернет-платформа-

²⁵ URL: <https://t.me/oizmedia/504> (дата обращения: 19.05.2025).

²⁶ URL: <https://tass.ru/obschestvo/17522429> (дата обращения: 19.05.2025).

²⁷ URL: https://t.me/russian_field_soc/1871 (дата обращения: 19.05.2025).

²⁸ Опрос ВЦИОМа показал важность доступа к Telegram для четверти россиян // URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5aded1d49a7947aee1258ae4> (дата обращения: 19.05.2025).

²⁹ По данным ВЦИОМ, если рейтинг доверия к президенту России В. В. Путину в декабре 2021 г. составлял 63,6 %, то в декабре 2023 г. уже 79,7 %, а в октябре 2024 г. — 78,5 %. См.: URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/reitingi-doverija-politikam-ocenki-raboty-prezidenta-i-pravitelstva-podderzhka-politicheskikh-partii-20211217>; <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/reitingi-doverija-politikam-ocenki-raboty-prezidenta-i-pravitelstva-podderzhka-politicheskikh-partii-22122023>; <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/reitingi-doverija-politikam-ocenki-raboty-prezidenta-i-pravitelstva-podderzhka-politicheskikh-partii-25102024> (дата обращения: 19.05.2025).

³⁰ Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы».

³¹ Кефели И. Ф., Мальмберг С. А. Информационный потенциал государства как основа информационного суверенитета // Управленческое консультирование. 2019. № 1 (121). С. 30.

ми как средствами распространения информации является общемировой³².

Переходя к описанию и оценке деструктивных практик, прежде всего нужно отметить их глубоко скрытый, замаскированный характер, который до недавнего времени был способен вводить в заблуждение не только обывателей, но и экспертов. До смены президентской администрации в США в январе 2025 г. интернет-платформы упорно отрицали проведение политики цензуры, указывая, что осуществляют «борьбу с фейк-ньюз³³ и языком ненависти»³⁴. Действительно, сама природа высказывания в Сети часто может иметь конфликтный характер, выражать неодобрение, критику, порицание, гнев, поскольку Интернет предоставляет возможность транслировать эмоциональные высказывания без сдерживающих факторов, которые существуют в реальном пространстве, в том числе благодаря иллюзорной анонимности³⁵. Данный фактор дает интернет-платформам значительный простор для проведения собственной политики модерации, тем более что большая часть государств с неолиберальными режимами прямо подталкивают интернет-платформы к осуществлению такой политики, принимая жесткие законодательные требования в отношении недопущения распространения так называемого языка ненависти³⁶. Следует согласиться с тезисом о том, что ненависть, вражда, национальная рознь, непристойные материалы, порнография, шокирующий кон-

тент, мошенничество, контент, нарушающий авторские права, должны ограничиваться или полностью удаляться в соответствии с национальным законодательством.

Тем не менее после публичного признания вице-президента США Дж. Д. Вэнса в ходе Мюнхенской конференции по безопасности 15 февраля 2025 г. в том, что «предыдущая администрация угрожала и запугивала социальные сети, чтобы осуществлять цензуру», а также в том, что «наше собственное правительство поощряло частные компании заставлять молчать людей, которые осмеливались произнести то, что оказалось очевидной истиной»³⁷, дискуссия о существовании в США политической цензуры интернет-платформ (Цензура 2.0) может считаться завершенной.

Однако важно понимать, в чем конкретно выражаются проблемные практики интернет-платформ, дабы противодействовать им предметно. Хороший иллюстративный исследовательский материал дают признания старшего инженера корпорации Meta Дж. Гьявали, не знавшего, что говорит в условиях съемки скрытой камерой³⁸. В ходе беседы с журналисткой, работавшей под прикрытием, он раскрыл ряд практик Цензуры 2.0 в области модерации контента и работы рекомендательных алгоритмов. В частности, он подтвердил, что Facebook применяет специальные алгоритмы для резкого снижения количества показов публикаций и охвата аудитории пользователей, если

³² Зиновьева Е. С., Булга В. И. Цифровой суверенитет Европейского Союза // Современная Европа. 2021. № 2 (102). С. 46.

³³ Русскоязычные толковые словари не содержат определения данного термина. Англоязычный Кембриджский толковый дает следующее определение термина «фейковые новости» (англ. fake news) — ложные истории, которые кажутся новостями, распространяемые через Интернет или иными способами, создаваемые для того, чтобы влиять на политические события или в качестве шутки. Подробнее о термине см.: Дискин Е. И. Фейковые новости как политико-правовой феномен // Закон. 2022. № 3. С. 108–120. DOI: 10.37239/0869-4400-2022-18-3-108-120.

³⁴ Facebook CEO Mark Zuckerberg pushes back against claims of anti-conservative censorship // URL: <https://www.cnet.com/news/politics/facebook-ceo-mark-zuckerberg-pushes-back-against-claims-of-conservative-censorship/> (дата обращения: 19.05.2025).

³⁵ Mondal M., Silva L. A., Correa D., Benevenuto F. Characterizing usage of explicit hate expressions in social media // New Review of Hypermedia and Multimedia. 2018. No. 24(2). P. 115.

³⁶ Siyuan C. Regulating online hate speech: the Singapore experiment // International Review of Law, Computers & Technology. 2023. No. 38(2). P. 131.

³⁷ The Speech That Stunned Europe. U. S. Vice President J. D. Vance's remarks at the Munich Security Conference // URL: <https://foreignpolicy.com/2025/02/18/vance-speech-munich-full-text-read-transcript-europe/> (дата обращения: 19.05.2025).

³⁸ Facebook engineer admits site 'automatically demotes' anti-Kamala posts to 'help the Democrats' // URL: <https://www.dailymail.co.uk/sciencetech/article-13970987/Facebook-engineer-admits-site-automatically-demotes-anti-Kamala-posts-help-Democrats.html> (дата обращения: 19.05.2025).

они позволяют себе критику президентской администрации Байдена и, в частности, кандидата в президенты К. Харрис (статус на момент записи). Дж. Гьявали отметил, что «если, например, ваш дядя из Огайо говорит, что Харрис не подходит для должности президента, потому что бездетна», то такое сообщение будет практически невидимо для других пользователей. Он также упомянул, что у компании существует специализированный механизм, названный Civic classifier (англ. Классификатор общественных данных), который обеспечивает удаление и сокращение показов «нежелательного контента». По словам Гьявали, внутри Facebook данный процесс называется red listing, т.е. буквально применение «красных списков» [запрещенной информации]. Обращает на себя внимание и тот факт, что на прямой вопрос, являются ли обсуждаемые практики помощью для избирательной кампании Камалы Харрис на пост президента, он ответил утвердительно.

Отметим, что одним из первых указов после повторного вступления в должность президента США Д. Трампа является Указ «О восстановлении свободы слова и прекращении федеральной цензуры»³⁹ (Указ о свободе слова), который признает, что «государство заставляло интернет-платформы осуществлять цензуру под видом борьбы с дезинформацией, продвигая необходимый ему нарратив» (п. 1).

Эти факты подтверждают претензии Российской Федерации относительно деструктивной политики цензуры со стороны иностранных интернет-платформ⁴⁰, однако их недостаточно с точки зрения защиты интересов российских пользователей. В качестве жертв репрессивной информационной политики указаны только

граждане США. Буквальное толкование текста Указа о свободе слова показывает, что он не требует восстановления в правах граждан других государств и требует лишь прекращения государственного вмешательства в деятельность интернет-платформ, но не прекращения цензуры как таковой.

Между тем число случаев применения Цензуры 2.0 в отношении российских граждан весьма велико. Характерным примером можно назвать случай, когда социальная сеть Twitter отчиталась об удалении 100 российских аккаунтов, действия которых были направлены на «ослабление стабильности и надежности НАТО»⁴¹. В 2020 г. подобным образом тот же Twitter «отменил» более тысячи аккаунтов, якобы связанных с Россией, за «распространение неоригинальной политической информации в интересах властей»⁴². Примечательно, что такие действия активно синхронизируются с политикой недружественных государств, когда сначала происходит введение санкций против российских медиа, а затем удаление их аккаунтов из соответствующих социальных сетей, как это произошло с аккаунтами медиагруппы «Россия сегодня» и Russia Today в сентябре 2024 г.⁴³

Практики Цензуры 2.0 являются угрозой для информационного суверенитета России. Признание факта их существования со стороны новой администрации США является существенным шагом в восстановлении прав российских пользователей и должно стать поводом для переосмысления соответствующей политики. Поскольку было признано, что интернет-платформы США осуществляли цензуру в Интернете под давлением администрации Байдена,

³⁹ Executive Order: Restoring Freedom of Speech and Ending Federal Censorship // URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/01/restoring-freedom-of-speech-and-ending-federal-censorship/> (дата обращения: 19.05.2025).

⁴⁰ Об этой проблеме подробно говорил заместитель председателя Совета безопасности Российской Федерации Д. А. Медведев: «Мы им неоднократно говорили, что вы какой-то баланс держите. Но нет. Они что хотят? Они хотят нас изолировать. Чтобы наш голос не был слышен нигде». См.: Дмитрий Медведев: Зарубежные интернет-платформы хотят изолировать жителей России, потому что их голос более убедителен // URL: <https://er.ru/activity/news/dmitrij-medvedev-zarubezhnye-internet-platformy-hotyat-izolirovat-zhitelej-Rossii-potomu-cto-ih-golos-bolee-ubeditelen> (дата обращения: 19.05.2025).

⁴¹ Twitter объявил о блокировке 100 связанных с Россией аккаунтов // URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/603549629a7947cf3e3eae1d?from=soru> (дата обращения: 19.05.2025).

⁴² Шмырова Валерия. Twitter блокирует пользователей, пишущих кириллицей, как «русских троллей» // URL: https://www.cnews.ru/news/top/2018-0523_twitter__blokiruet_vsehkto_ispolzuet_kirillitsu (дата обращения: 19.05.2025).

⁴³ Подробнее см.: Песков назвал недопустимой блокировку российских СМИ // URL: <https://www.kommer sant.ru/doc/7161734> (дата обращения: 19.05.2025).

то необходима смена приоритетов в правовой политике по данному вопросу. От подхода, выражающегося в безусловной блокировке соответствующих платформ, — к преследованию конкретных лиц из предыдущей администрации, ответственных за приказы о такой противоправной деятельности, а также руководителей интернет-платформ, отвечавших за их выполнение. Необходимо также включить данный вопрос в диалог о нормализации отношений между Россией и Соединенными Штатами, тем более что он будет логичным продолжением соответствующей политики действующей администрации.

Выводы

Проанализированные данные о развитии регулирования иностранных интернет-платформ, их влияние на российское информационное пространство, анализ общественного мнения по отношению к блокировкам и выявление фактов, подтверждающих цензуру со стороны интернет-платформ, позволяют сделать ряд выводов.

Текущая регуляторная политика, направленная на повышение информационного потенциала России, одновременно и недостаточно эффективна, и создает ряд политических рисков, повышая протестный потенциал. Цели и задачи блокировок иностранных интернет-платформ недостаточно понятны гражданам, гражданское общество в недостаточной степени привлекается к выработке соответствующей политики.

Одновременно с этим заявления представителей российского государства о наличии в действиях иностранных интернет-платформ цензуры совсем недавно получили подтверждение на уровне законодательства США, что свидетельствует о необходимости противодействия

такой политике. По сути, интернет-платформы осуществляют «деконструкцию международной субъектности России, ее права выступать полноправным участником международных отношений»⁴⁴. Это достигается рядом последовательных мер по удалению и подавлению информации, которая соответствует государственным нарративам в области международной и внутренней политики Российской Федерации, вопросам истории и культуры, продвижением деструктивной информации, направленной на разрушение традиционных ценностей, закрепленных в Конституции РФ, межнационального и межконфессионального мира.

Однако подтверждение того факта, что указанные действия предпринимались по принуждению со стороны предыдущей президентской администрации США, могло бы являться поводом для пересмотра политики блокировок, т.к. она не может достигнуть своей цели — изменения политики глобальных интернет-платформ. Необходима индивидуализация ответственности за злоупотребление властью в целях нанесения ущерба интересам Российской Федерации как со стороны функционеров правительства, так и со стороны руководителей интернет-платформ. В данном случае вполне возможно рассчитывать на сотрудничество новой президентской администрации в рамках продолжения политики прекращения цензуры, сделав этот вопрос частью переговорного процесса о восстановлении отношений.

Отдельно отметим, что на законодательном уровне не достигнута должная терминологическая ясность, т.к. в российском законодательстве до сих пор не отражено понятие «информационный суверенитет», что не позволяет в полной мере формулировать задачи по его защите и оценивать эффективность соответствующих мер, тем самым снижается информационный потенциал государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Балдицын П. В. Информационная война против России в The New York Times в 2023 году: лингвистический анализ // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2023. № 8 (4). С. 32–39. URL: <https://cmd-journal.hse.ru/article/view/18496> (дата обращения: 19.05.2025).

Безруков А. О., Мамонов М. В., Сучков М. А., Сушенцов А. А. Суверенитет и «цифра» // Россия в глобальной политике. 2021. Т. 19. № 2 (108). С. 106–119.

⁴⁴ Царик В. С. Борьба с «российской дезинформацией» в публичном позиционировании западных институтов: анализ официальных сайтов НАТО и Европейского Союза // Среднерусский вестник общественных наук. 2019. № 6. С. 109.

Горлов Е. В., Шириня А. А. Основные правовые механизмы защиты конституционного права на свободу мысли и слова в современной России // Юридический вестник Самарского университета. 2022. Т. 8. № 4. С. 20–25.

Ефремов А. А. Государственный суверенитет в информационном пространстве: проблемы правового обеспечения // Правовое обеспечение суверенитета России: проблемы и перспективы : сборник докладов XIII Московской юридической недели, Москва, 21–24 ноября 2023 г. : в 4 ч. М. : Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2024. С. 140–142.

Зиновьева Е. С., Булга В. И. Цифровой суверенитет Европейского Союза // Современная Европа. 2021. № 2 (102). С. 40–49.

Кефели И. Ф., Мальмберг С. А. Информационный потенциал государства как основа информационного суверенитета // Управленческое консультирование. 2019. № 1 (121). С. 29–39.

Кожухова К. Е. Китайский цифровой суверенитет — изоляция или самосохранение? // Возможности и угрозы цифрового общества : материалы конференции, Ярославль, 18–19 апреля 2024 г. Ярославль : Ярославский гос. ун-т имени П.Г. Демидова, 2024. С. 158–164.

Терентьева Л. В. Принципы установления территориальной юрисдикции государства в киберпространстве // Lex russica (Русский закон). 2019. № 7 (152). С. 119–129.

Царик В. С. Борьба с «российской дезинформацией» в публичном позиционировании западных институтов: анализ официальных сайтов НАТО и Европейского Союза // Среднерусский вестник общественных наук. 2019. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/borba-s-rossiyskoy-dezinformatsiey-v-publichnom-pozitsionirovanii-zapadnyh-institutov-analiz-ofitsialnyh-saytov-nato-i-evropeyskogo> (дата обращения: 19.05.2025).

Cherry B. A. Escalating Instability of Network Neutrality Policy in the U.S. // Applied Economics in the Digital Era / ed. by J. Alleman, P. Rappoport, M. Hamoudia. Cham : Palgrave Macmillan, 2020.

Mahmood-ul-Hassan S., Khan S. U., Sheikh A., Ayub T., et al. Impact of YouTube Usage on Sleep Quality and Cognitive Function in Efl Learners // Journal of Positive School Psychology. 2022. Vol. 6. No. 11. P. 189–199. URL: <https://journalppw.com/index.php/jpsp/article/download/13876/8983/16917> (дата обращения: 19.05.2025).

Mondal M., Silva L. A., Correa D., Benevenuto F. Characterizing usage of explicit hate expressions in social media // New Review of Hypermedia and Multimedia. 2018. No. 24(2). P. 110–130. URL: <https://doi.org/10.1080/13614568.2018.1489001> (дата обращения: 19.05.2025).

Siyuan C. Regulating online hate speech: the Singapore experiment // International Review of Law, Computers & Technology. 2023. No. 38(2). P. 119–139. URL: <https://doi.org/10.1080/13600869.2023.2295091> (дата обращения: 19.05.2025).

REFERENCES

Balditsyn PV. The Information War in the New York Times in 2023: A Linguistic Analysis. *Communications. Media. Design*. 2023;8(4):32-39. Available at: <https://cmd-journal.hse.ru/article/view/18496> [Accessed 19.05.2025]. (In Russ.).

Bezrukov AO, Mamonov MV, Suchkov MA, Sushentsov AA. Russia in the Digital World: International Competition and Leadership. *Russia in Global Affairs*. 2021;19(2):64-85. (In Russ.).

Cherry BA. Escalating Instability of Network Neutrality Policy in the U.S. In: Alleman J, Rappoport P, Hamoudia M Cham (eds.). *Applied Economics in the Digital Era*. Palgrave Macmillan Publ.; 2020.

Efremov AA. State sovereignty in the information space: problems of legal support. Legal Support of the Sovereignty of Russia: Problems and Prospects. Proceedings of the 13th Moscow Legal Week, Moscow, November 21–24, 2023. In 4 Parts. Kutafin University (MSAL) Publ.; 2024. (In Russ.).

Gorlov EV, Shirinya AA. Main legal mechanisms for the protection of the constitutional right to freedom of thought and speech in modern Russia. *Juridical Journal of Samara University*. 2022;8(4):20-25. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2022-8-4-20-25>.

Kefeli IF, Malmberg SA. Information potential of the state as the basis of information. *Administrative Consulting*. 2019;1(121):29-39. (In Russ.).

Kozhukhova KE. Chinese Digital Sovereignty: Isolation or Self-Preservation? Opportunities and Threats of Digital Society: Conference Proceedings. Yaroslavl, April 18–19, 2024, p. 158–164. P.G. Demidov Yaroslavl State University Publ.; 2024. (In Russ.).

Mahmood-ul-Hassan S, Khan SU, Sheikh A, Ayub T, et al. Impact of YouTube Usage on Sleep Quality and Cognitive Function in Efl Learners. *Journal of Positive School Psychology*. 2022;6(11):189-199. Available at: <https://journalppw.com/index.php/jpsp/article/download/13876/8983/16917> [Accessed 19.05.2025].

Mondal M, Silva LA, Correa D, Benevenuto F. Characterizing usage of explicit hate expressions in social media. *New Review of Hypermedia and Multimedia*. 2018;24(2):110-130. Available at: <https://doi.org/10.1080/13614568.2018.1489001> [Accessed 19.05.2025].

Siyuan C. Regulating online hate speech: the Singapore experiment. *International Review of Law, Computers & Technology*. 2023;38(2):119-139. Available at: <https://doi.org/10.1080/13600869.2023.2295091> [Accessed 19.05.2025].

Terentyeva LV. Principles of Establishing the Territorial Jurisdiction of the State in Cyberspace. *Lex russica*. 2019;7(152):119-129. (In Russ.).

Tsarik VS. Fighting against «Russian disinformation» in public positioning of Western institutions: analysis of official sites of NATO and the European Union. *Central Russian Bulletin of Social Sciences*. 2019;6:109-125. (In Russ.).

Zinovieva ES, Bulva VI. Digital sovereignty of the European Union. *Modern Europe*. 2021;2(102):40-49. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дискин Евгений Иосифович, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Международной лаборатории цифровой трансформации в государственном управлении Института государственного и муниципального управления НИУ ВШЭ
д. 11, Мясницкая ул., г. Москва 101000, Российская Федерация
ediskin@hse.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeniy I. Diskin, Cand. Sci. (Law), Senior Researcher, International Laboratory for Digital Transformation in Public Administration, Institute of Public and Municipal Administration, National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russian Federation
ediskin@hse.ru

Материал поступил в редакцию 19 мая 2025 г.

Статья получена после рецензирования 19 июня 2025 г.

Принята к печати 15 августа 2026 г.

Received 19.05.2025.

Revised 19.06.2025.

Accepted 15.08.2026.